

гласии. Только с этого времени заметен стал совершенный раскол: неистощимая веселость скоро присущила тем, у коих голова полна была великих замыслов, тем же, кои шутя хотели заниматься литературой, странно показалось вдруг перейти от нее к чисто политическим вопросам. Два века, один кончающийся, другой нарождающийся, встретились в «Арзамасе»; как при Вавилонском столпотворении, люди перестали понимать друг друга и скоро рассеялись по лицу земли. И, действительно, в этом году с отлучкою многих членов, и самых деятельных, прекратились собрания, и «Арзамас» тихо, неприметно заснул вечным сном.

Ф. Вигель

II*

Против Шишкова и других тогдашних славянофилов, и отчасти против Державинской «Беседы», где они нашли себе прибежище в литературе, учреждено было в Петербурге то шутливое «Арзамасское общество», о котором напечатал в «Москвитянине» А.С. Стурдза**.

Оно названо было Арзамасским вот по какому случаю. Воспитанник петербургской Академии художеств живописец Ступин переехал на житье в Арзамас и завел там школу живописи. Я, в один проезд мой через Арзамас с моим дядею, посещал его и с ним познакомился. Молодые литераторы, которым, при всем уважении к предприятию Ступина, казалось смешным, что в Арзамасе есть школа живописи, назвали ее «Арзамасскою Академией» и в подражание этому учредили в Петербурге «Арзамасское ученое общество».

* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 81—83, 88—90.

** «Москвитянин», 1851, ноябрь, кн. I, с. 13—17.

В этом обществе, посвященном шуткам и пародиям, каждый член имел свое имя. Некоторые имена я помню. Жуковский назывался «Светлана»; А.И. Тургенев — «Эолова Арфа»; С.П. Жихарев — «Громобой»; Д.Н. Блудов — «Кассандра»; Ф.Ф. Вигель «Ивиков Журавль»; Д.П. Северин — «Резвый Кот»; С.С. Уваров — «Старушка»; В.Л. Пушкин — «Вот». Других не помню. Они читали пародии, и каждое заседание начиналось похвальным словом какому-нибудь из литературных староверов, противников Карамзина, или кому-нибудь из стихотворцев.

В этих пародиях и речах, произносимых членами, много упоминался известный гр. Дм. И. Хвостов. Кстати вспомнить при этом случае об нем.

Гр. Хвостов теперь забыт; но в наше время он составлял наслаждение веселых литераторов и молодых людей, не чуждых литературе, которые хотели позабавиться. Слушатели бегали от его чтения, но словесники находили в его сочинениях неисчерпаемый источник забавы и шуток.

Он был по происхождению не граф и начал свое литературное поприще еще в старинном журнале «Собеседник», потом печатал в «Аонидах» Карамзина, еще без графского титула. Но он был женат на племяннице Суворова, который и выпросил ему графство у короля Сардинского.

Его сочинения замечательны не тем, что они плохи; плохими сочинениями нельзя прославиться, так, как не прославился своими Николев. А он, в Петербурге и в Москве, составил себе имя тем, что в его сочинениях сама природа является иногда навыворот. Например, известный закон оптики, что отдаленный предмет кажется меньше; а у него в притче «Два прохожие» сперва кажется им издали *туча*; потом она показалась го-

рою; потом подошли ближе, увидели, что это куча. У него, в тех же притчах, осел лезет на рябину и крепко лапами за дерево хватает; голубь — разгрыз зубами узелки; сума надувается от вздохов; уэс — становится на колени; рыбак, плывя по реке, застрелил лисицу, которая не видала его, потому что шла к реке кривым глазом; вор — ружье наметил из-за гор. И множество драгоценностей в этом роде, особенно в первом издании его притчей 1801 года.

Вот как принимали в члены Арзамасского общества Василия Львовича Пушкина. Это происходило в доме С.С. Уварова.

Пушкина ввели в одну из передних комнат, положили его на диван и навалили на него шубы всех прочих членов. Это прообразовало шутливую поэму князя Шаховского «Расхищенные шубы» (которая была напечатана в *Чтениях Беседы любителей российского слова*) и значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, *шубное прение*, т.е. претъ под этими шубами. Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор. Потом, с завязанными глазами, водили его с лестницы на лестницу и привели в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, а эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою с оранжевою, огненною занавескою. Здесь развязали ему глаза — и ему представилась посредине чучела огромная, безобразная, устроенная на вешалке для пальца, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означает *дурной вкус*; подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин (надоб-

но вспомнить его фигуру: толстый, с подзобком, задыхающийся и подагрик) натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за прстыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучелу! Потом ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руку эмблему Арзамаса — мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. Речь эту говорил, кажется, Жуковский. Наконец поднесли ему серебряную лохань и рукомойник, умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует «Липецкие воды», комедию кн. Шаховского. Все это происходило в 1816 или 1817 году. Разумеется, так принимали только одного добродушного Василия Львовича, который поверили, что все подвергаются таким же испытаниям. Общий титул членов был: их *превосходительства гении Арзамаса*.

Случилось, что Василий Львович, едучи из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя и мадrigал его жене. И то и другое он прислал в Арзамасское общество, и то и другое найдено плохим, и Пушкин был разжалован из имени «Вот»; ему дано было другое «Вотрушка»! Вас. Льв. чрезвычайно огорчился и упрекнул общество дружеским посланием, которое напечатано в его сочинениях:

Что делать! видно мне кибитка не Парнас!
Но строг, не справедлив ученьи Арзамас!
Я оскорбил ваш слух; вы оскорбили друга! и пр.

По рассмотрении послания, оно было найдено хорошим, а некоторые стихи сильными и прекрасными — и Пушкину возвращено было прежнее «Вот» и с прибавлением я вас: т. е. «Вот я вас», Виргилиево риос

его! Пушкин был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал.

Так забавлялись в то время люди, которые были уже не дети, но все люди известные, некоторые в больших чинах и в важных должностях. Никто не почитал предосудительным в то время шутить и быть веселым, следуя правилу царя Алексея Михайловича: *делу время, потехе час.* Тогда не считали нужною педантическую важность, убивающую природную веселость, и не любили педантических споров, убивающих общественное удовольствие*.

М. Дмитриев

III

ПИСЬМО Д.В. ДАШКОВА П.А. ВЯЗЕМСКОМУ**

1815 г., 26 ноября, СПб.

Ради величественного арзамасского гуся не сердитесь на меня, любезнейший Петр Андреевич, за неисправность мою в переписке с вами. Во всяком другом случае и во всех других обстоятельствах она была бы совершенно непростительна: но теперь вы должны только жалеть обо мне, бедном мученике Фемиды и Комитета. По чести, ежели собачья жизнь моя еще продолжится, то небольшой участок здравого смысла, доставшийся мне от природы (от сей природы, которая так щедра к вам, любезнейший князь, и к любезным Арзамасцам и так скуча к Беседчикам), скоро выдохнется, улетит на луну, и мне тогда уже не миновать сотрудничества. Шутки в сторону, приезд государя и очистка дел так много доставили мне работы, не всегда

* Ср. еще Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского. Том VIII, с. 415—416. СПб., 1883.

** Выдержки из старых бумаг Осташевского архива. М., 1886, с. 104—109.